

концерт Газета 2004-12 апр - с 15.

у Дафниса и Хлои нашелся дедушка

Мишель Плассон продирижировал Российским национальным оркестром

Илья овчинников

С начала года Российский национальный оркестр (РНО) успел побывать на гастролях в Соединенных Штатах и Великобритании. Среди слышавших РНО в Лондоне нашлись злопыхатели, утверждавшие, будто за рубежом оркестр звучал куда более полнокровно, нежели на родине. Вечер с Мишелем Плассоном показал, что Российский национальный может демонстрировать высокий класс игры и не выезжая за границу.

По справедливому утверждению дирижера Мишеля Плассона, «существует несколько французских музык». И хотя музыка Франции XX века представляет собою ничуть не менее богатый, интересный и необходимый для изучения мир, нежели наследие Берлиоза, Бизе и Сен-Санса, в наших концертных программах она представлена крайне бедно (за исключением некоторых опусов Равеля и Дебюсси). Практически полностью за бортом остаются Эрик Сати, Альбер Руссель, Франсис Пуленк, Артю Онеггер, Дариус Мийо, Оливье Мессиа́н, тогда как многие их сочинения — настоящий праздник и для любителей «легкой классики», и для желающих разобраться в подтекстах и влияниях.

С менее известными (равно как и более поздними) мастерами совсем беда — сейчас их музыку едва ли услышишь в любой из российских столиц. Тем отраднее, что Мишель Плассон включил в свою программу не только хиты Дебюсси и Равеля, но и Концертную симфонию Жака Ибера

для гобоя и струнных, ранее не звучавшую в Москве (солировал Алексей Огринчук). Опус был заказан знаменитым Базельским камерным оркестром, для которого писали также Стравинский, Хиндемит, Онеггер... В названном сочинении Ибер сменил почерк импрессиониста на более жесткую манеру, напоминающую военные симфонии того же Онеггера.

Впрочем, таковы по преимуществу те эпизоды, где солисту приходится отдыхать; напротив, музыка, сопровождающая виртуозные соло гобоя, куда более беззаботна и светла. В целом симфония представляет собой своеобразную панораму французской музыки первой половины XX века, демонстрируя самые разные ее грани. Подлинным торжеством французской музыки стало второе отделение, отданное поэме «Вальс» и балетной сюите Равеля. Активно жестикулирующий Плассон казался совершенно счастливым — в этом репертуаре он чувствовал себя не «как дома», а дома в буквальном смысле слова.

И музыканты, и дирижер будто расслабились после редко исполняемого опуса Ибера — звук утратил некоторую зажатость, став более легким и живым.

Вся мимика, все жесты и движения семидесятилетнего Плассона заставляли увидеть в нем дедушку, играющего с парой любимых внуков. И хотя количество «внуков» на сей раз приближалось к сотне, это не мешало дирижеру управлять ими без видимых усилий, заставляя звучать в безукоризненно французской манере — элегантно и богато. Огорчило лишь то, что второе отделение длилось не более получаса: гениальная музыка «Дафниса и Хлои» — одного из первых «симфонических балетов» — была представлена лишь пятнадцатиминутной сюитой, завершившей концерт без единого биса. Зато исполнение сюиты оказалось близким к совершенству, а неожиданно мрачная кода «Вальса» напомнила о том, что именно этой хореографической поэмой оказался исчерпан жанр венского вальса.

Мишель Плассон (слева) оказал на артистов оркестра буквально гипнотическое воздействие Фотограф: Франк Вильягра/Газета

15